

О свободной совѣсти.

Владиміръ Соловьёвъ, полемизируя въ „Национальномъ вопросѣ“ съ Данилевскимъ о степени самобытности русскаго духовнаго творчества, далъ, между прочимъ, весьма замѣчательную характеристику состоянія русской философіи — характеристику, по существу не устарѣвшую и понынѣ, хотя она была представлена еще въ 1888 году. Состояніе русской философіи онъ сравниваетъ съ „небытіемъ“, о которомъ схоластикъ Рабанъ Мавръ чувствительно замѣтилъ, что „небытіе есть нѣчто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слезъ надъ такимъ при- скорбнымъ состояніемъ“. Хотя у насъ есть труды по разнымъ предметамъ философіи, но—говоритъ Вл. Соловьёвъ— „все философское въ этихъ трудахъ вовсе не русское, а что въ нихъ есть русскаго, то ничуть не похоже на философію, а иногда и совсѣмъ ни на что не похоже“. О причинахъ этого плачевнаго „небытія“ русской философіи Вл. Соловьёвъ высказываетъ слѣдующія глубокія и въ его устахъ особенно замѣчательныя соображенія:

„Безусловно независимая и въ себѣ увѣренная дѣятельность человѣческаго ума есть собственная стихія философіи. Невозможно произвести чего нибудь истинно-великаго въ какой бы то ни было сферѣ человѣческой дѣятельности, если нѣтъ полной увѣренности, что именно эта сфера есть самая важная и достойная, что дѣятельность въ ней имѣетъ самостоятельное и безконечное значеніе. Такъ, для великихъ и долговѣчныхъ созданій въ области философіи прежде всего нужно вѣрить въ самозаконную и неограни-

ченную силу человеческого ума, въ безусловное превосходство чистаго мышления передъ всѣми прочими видами дѣятельности. Но, наблюдая особенности нашего національнаго характера, легко замѣтить, что чисто-русскій даровитый человекъ отличается крайнимъ недоверіемъ къ силамъ и средствамъ человеческого ума вообще и своего собственнаго въ частности, а также глубокимъ презрѣніемъ къ отвлеченнымъ, умозрительнымъ теоріямъ, ко всему, что не имѣетъ явнаго примѣненія къ нравственной или матеріальной жизни. Эта особенность заставляетъ русскіе умы держаться по преимуществу двухъ точекъ зрѣнія: крайняго скептицизма и крайняго мистицизма. Ясно, что и та, и другая—исключаютъ возможность настоящей философіи“.

Останавливаясь, въ частности, на мистическомъ направленіи, Вл. Соловьевъ замѣчаетъ:

„Если наша философская мысль обнаруживаетъ теперь мистическое направленіе—ничего болѣе опредѣленнаго о ней пока сказать нельзя,—то она навѣрное никакихъ плодовъ не принесетъ *на почву нашего національнаго мистицизма*. Этотъ послѣдній (свойственный, впрочемъ, не исключительно русскимъ, а и другимъ полудикимъ народамъ Востока) самими крайностями своими свидѣтельствуетъ, конечно, о нѣкоторыхъ силахъ нашей духовной природы, которыя при иныхъ условіяхъ, при болѣе правильномъ и глубокомъ развитіи просвѣщенія и образованія въ народѣ, *могли бы* принести хороше плоды (по крайней мѣрѣ въ области религіозно-нравственной). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно только одно: мистическое настроеніе этого рода, въ соединеніи съ безграничнымъ недоверіемъ къ *раціональному* элементу человеческой и міровой жизни, составляетъ умственную почву, рѣшительно неблагоприятную для развитія всякой самобытной и наукообразной философіи“¹⁾.

¹⁾ Курс. подлинника. В Соловьевъ. Сочиненія, т. V (Национальный вопросъ въ Россіи), стр. 87—92.

Эти мысли, до извѣстной степени примѣнимыя и къ философской системѣ самого Владимира Соловьева, пришли намъ въ голову, когда мы читали недавно вышедшій литературно-философскій сборникъ „Свободная Совѣсть“¹⁾. Онъ составленъ кружкомъ писателей, которые, какъ указываетъ предисловіе, считаютъ себя послѣдователями Вл. Соловьева и полагаютъ, что „современное освободительное движеніе можетъ осуществить свои идеалы лишь въ связи съ... всеобъемлющей идеей христіанскаго синтеза“. Въ сборникѣ, къ сожалѣнію, отсутствуютъ имена ряда извѣстныхъ писателей, стоящихъ на той же точкѣ зрѣнія — гг. Булгакова, Бердяева, Мережковскаго, Волжскаго; тѣмъ не менѣе онъ довольно интересно выражаетъ идеи и исканія религіозной мысли новѣйшаго времени. Беллетристическій отдѣлъ сборника не очень значителенъ и страдаетъ претенциозностью, вообще свойственной многимъ произведеніямъ беллетристовъ „мистическаго“ направленія. Но за то въ философскихъ статьяхъ сборника находится много интереснаго: первые появляющіеся на русскомъ языкѣ переводъ части книги Вл. Соловьева „La Russie et l'église universelle“, статья г. Свенцицкаго „Смерть и безсмертіе“ (о драмахъ Метерлинка), содержательная и объективная статья г. Вышеславцева „о міросозерцаніи Чичерина“, рядъ интересныхъ статей г. Андрея Бѣлаго и др. Не имѣя возможности останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ—изъ которыхъ нѣкоторыя довольно далеко отклоняются отъ основнаго направленія сборника,—мы хотѣли бы лишь охарактеризовать общій религіозно-философскій духъ сборника. Онъ поучителенъ именно тѣмъ, что въ немъ особенно ярко выразился недостатокъ русской философской мысли, указанный въ приведенныхъ выше словахъ Вл. Соловьева. Большинство сотрудниковъ сборника полны тѣмъ крайнимъ и — мы позволимъ себѣ

¹⁾ Свободная Совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Книга первая. Москва 1906.

такъ выразиться — утрированнымъ мистическимъ настроениемъ, которое отвергаетъ не только права логическаго разума, но и вообще все индивидуальное и самочинное въ религиозно-философскихъ переживаніяхъ, и подгоняетъ мысль и чувство къ определенной мистической *догматикѣ*. Религиозное чувство связано для нихъ съ отказомъ отъ духовнаго самоопредѣленія, и мистическое настроеніе сводится у нихъ къ какому-то трепетному наслажденію покорной отдачи своего духа во власть символамъ, словамъ, личностямъ, которымъ приписывается божественное значеніе. Они убѣжденные противники внѣшняго принужденія совѣсти, но свобода мысли и совѣсти имъ нужна только для того, чтобы добровольно отречься отъ нея ради божества, которое они ищутъ не въ самой совѣсти, а внѣ и выше ея. Религію эти писатели принимаютъ только, какъ христіанство, а христіанство — не просто какъ морально-религиозное вѣрованіе, а какъ *доктрину*, которую нужно брать цѣликомъ, и въ книгахъ которой каждое слово, каждый миеъ полны абсолютнаго и непререкаемаго религиознаго значенія. Въ этомъ отношеніи самой поучительной, потому что самой талантливой и яркой, является статья Вл. Соловьева о „Троичномъ началѣ“. Тяжело и почти мучительно видѣть, какъ большой и сильный умъ тратитъ себя на діалектическія изслѣдованія объ истинномъ значеніи слова „bereshith“ (въ началѣ), съ котораго начинается Книга Бытія, какъ крупное философское дарованіе замыкаетъ свой полетъ въ узкую клѣтку догмата троичности.

Въ помѣщенной въ сборникъ біографіи А. М. Бухарева (Архимандрита Феодора) говорится, между прочимъ: „Александръ Матвѣевичъ утверждалъ, что догматы вселенскаго православія не являются только отвлеченными формулами, а, напротивъ, содержатъ въ себѣ самое существо христіанства, они полны жизненнаго значенія; говоря это, онъ ссылался постоянно на святоотеческія свидѣтельства“. Это случайно

брошенное замѣчаніе имѣетъ символическое значеніе: философскій духъ, его проникающій, характеризуетъ все описываемое направленіе. Вѣра въ догматы и ссылка на „святоотеческія свидѣтельства“ или, говоря общѣе, „мистическая“ вѣра въ религиозный *авторитетъ*, устраняющая живую индивидуальную вѣру и мысль — вотъ пристань, къ которой съ какой-то роковой силой стремится русскій человѣкъ, попавъ на путь мистики. „Русскій человѣкъ — замѣтилъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Герцену — предоставленный самому себѣ, неминуемо вырастаетъ въ старообрядца; вотъ куда его гнетъ, его претъ...“ Одни вѣруютъ въ три тома „Капитала“ Маркса, питаютъ хилиастическую увѣренность въ наступленіе царства небеснаго на землѣ путемъ „диктатуры пролетарата“ и „экспроприации экспроприрующихся“, на основаніи текстовъ и пророчествъ священныхъ книгъ — „Коммунистическаго Манифеста“ и „Эрфуртской программы“; другіе вѣруютъ въ „догматы православія“ и въ „святоотеческія свидѣтельства“. И — что замѣчательно всего — отъ одной вѣры отстаютъ только для того, чтобы пристать къ другой; бывше марксисты начинаютъ клясться апокалипсисомъ Іоанна, какъ бывше семинаристы — апокалипсисомъ Карла (Маркса).

А между тѣмъ — нѣтъ, быть можетъ, ничего, что такъ рѣшительно противорѣчило бы по существу догматической вѣрѣ въ авторитетъ, какъ истинная религиозность, подлинная способность къ сокровенному, если угодно, „мистическому“ воспріятію величайшихъ загадокъ мірозданія и къ ихъ потустороннему, религиозному разрѣшенію. Величайшимъ разрушителемъ всякихъ авторитетовъ и всякаго догматизма является человѣческая совѣсть, вскрывающая послѣднія глубины жизни и не мирящаяся ни съ чѣмъ, что не уяснено ея собственнымъ свободнымъ взоромъ. Работа религиозной, какъ и философской мысли — интуитивнаго, какъ и рациональнаго духовнаго творчества — тѣмъ и цѣнна,

что она есть разрывъ со слѣпыми традиціями, пересмотръ всѣхъ ходячихъ понятій и вѣрованій передъ высшимъ трибуналомъ свободной совѣсти — свободная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Пробужденіе религиозныхъ и философскихъ запросовъ означаетъ прежде всего углубленіе и укрѣпленіе личнаго сознанія, отысканіе въ своей собственной душѣ послѣднихъ корней духовнаго и нравственнаго міросозерцанія.

И это углубленіе и обогащеніе индивидуальнаго сознанія въ настоящее время не можетъ быть *только* мистическимъ, *только* религиознымъ. Совѣсть религиозная должна быть примирена съ совѣстью научной и укрѣплена ею. Плохую услугу оказываютъ религіи тѣ, кто связываютъ ее съ догматами: они обрекаютъ ее тѣмъ на всю шаткость этихъ догматовъ. Современное религиозное сознаніе должно быть взращено на почвѣ, расчищенной здоровымъ и законнымъ скептицизмомъ. Скепсисъ убиваетъ не вѣру, а только тлѣныя, т. е. внутренне несостоятельные объекты вѣры; и одновременно съ этимъ онъ убиваетъ догматическое невѣріе, обычно связанное съ догматическою же вѣрою въ какие-либо земные идолы. Какъ разрушеніе вѣры въ „концентрацію капиталовъ“ или „диктатуру пролетаріата“ не уничтожаетъ, а скорѣе углубляетъ вѣру въ основные социалистическіе принципы братства и социальной справедливости, такъ и гибель вѣры въ „святоотеческія свидѣтельства“ и въ догматы церкви расчищаетъ путь для стойкой и несокрушимой вѣры въ Божество, какъ чистый разумъ и чистую гармонию.

Идолопоклонство, которое во всѣхъ областяхъ нашей русской жизни обнаруживаетъ свою губительную и разлагающую силу, должно быть побѣждено духомъ свободнаго философствованія и свободной религиозности. Мы не хотимъ и не можемъ болѣе вѣрить въ слова, въ формулы, въ мистическіе догматы — все равно, идутъ ли они отъ Маркса или отъ Августина, освящены ли они мучениками церкви

или мучениками революціи; не хотимъ и не можемъ, потому что хотимъ и должны найти вѣру и служеніе тому вѣчному Богу правды, всемогущество котораго не можетъ быть связано словами и догматами, а даетъ о себѣ знать только въ свободной жизни неподкупнаго и непоработимаго чело-вѣческаго духа.

Единое нужно намъ — свободная совѣсть. Пожелаемъ же, чтобы совѣсть русскаго человѣка стала истинно свободной!

С. Франкъ.